Polis. Political Studies. 2018. No. 3. P. 60-77

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.05

ПОСТКОММУНИЗМ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ, ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ И КОММУНИКАТИВНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ. ЧАСТЬ I

В.А. Гуторов, И.Н. Тарасов

ГУТОРОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, Санкт-Петербург. Для связи с автором: gut-50@mail.ru; **ТАРАСОВ Илья Николаевич,** доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политики, социальных технологий и массовых коммуникаций, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград. Для связи с автором: ITarasov@kantiana.ru

Гуторов В.А., Тарасов И.Н. Посткоммунизм в институциональном, идеологическом и коммуникативном измерениях: критические заметки. Часть I. – Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 60-77. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.05

Статья поступила в редакцию: 19.02.2018. Принята к печати: 04.03.2018

Аннотация. Статья может рассматриваться как вклад в анализ исторической традиции и перспектив социальных изменений в посткоммунистических обществах с учетом того, в какой мере теоретические дебаты отражают реальные политические, идеологические и коммуникативные тенденции развития в этом регионе. Поднимается ряд острых вопросов о состоянии и будущем посткоммунизма в Центральной и Восточной Европе. Первая часть статьи посвящена преимущественно институциональным и идеологическим аспектам посткоммунистических трансформаций. Данные аспекты выделены не случайно, поскольку до сих пор остается немало "проблемных зон", которые с трудом воспринимаются учеными в качестве адекватных исследовательских объектов. В теории демократического транзита посткоммунизм изначально рассматривался как короткий исторический период, отделявший господство авторитарной коммунистической власти от торжества консолидированной демократии. В действительности самым сложным оказалось формирование "сердцевины" посткоммунистического институционального проекта, а именно – создание политической системы, которая позволила бы эффективно, с минимумом трансакционных издержек заменить прежнюю систему новой. Классическая теория модернизации, будучи вынужденной перестраивать методологию, в конечном итоге оказалась в глазах западных ученых более пригодной для изучения посткоммунистических процессов по сравнению с "транзитологией". В статье подробно исследуется модель "антиполитики", реализованной в большинстве посткоммунистических стран уже на первом этапе реформ. В научной литературе на протяжении долгого периода проблеме формирования идеологических дискурсов в посткоммунистическом мире уделялось гораздо меньше внимания, чем институциональным аспектам. Аналитики повсеместно отмечают, что в настоящее время формирование идеологического дискурса в посткоммунистических политиях осуществляется по большей части ситуационно, в зависимости от складывающейся внешней и внутриполитической конъюнктуры. К началу XXI в. исчезновение из массового сознания самой дихотомии "капитализм – социализм", безусловно, усиливает диффузный характер как массового сознания, так и формирующегося нового идеологического дискурса.

Ключевые слова: посткоммунизм; демократия; рыночная экономика; транзитология; политические институты; бюрократия; антиполитика; политические трансформации; партийные системы; идеология; идеологические дискурсы; либерализм; неоконсерватизм; политическое мифотворчество.

Посткоммунизм как политическая реальность в наши дни, как и на рубеже XX-XXI вв., представляет для ученых историческую загадку. В 1999 г. Шари Коэн в получившей широкую известность книге "Политика без прошлого. Отсутствие истории в посткоммунистическом национализме" выделил ряд проблематичных

зон, которые по-прежнему с трудом воспринимаются учеными в качестве вполне адекватных исследовательских объектов: "И через десять лет после падения берлинской стены сюжетная линия перехода от коммунизма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе остается смутной и головоломной. Характеры драмы сами по себе представляют часть загадки. Бывшие коммунисты стали националистами или, по крайней мере, позаимствовали националистические лозунги. Но они также часто становятся сторонниками свободного рынка. Героические диссиденты, которые в 1989 г. захватили воображение западного мира, почти исчезли с политической сцены. Иные из них разочаровались и обратились к символике фашистских периодов из прошлого. Партийные ярлыки и идентификации являются зыбкими и имеют мало общего с политическими позициями. Населяющие эти страны люди, которые в 1989 г., как представлялось, были наделены властными полномочиями, остаются циничными и апатичными и с ностальгией обращают взоры к началу 1980-х годов. Эти возвраты к прошлому выглядят как обломки, лишенные определенного значения, поскольку данные общества имеют смутные представления о наиболее важных моментах своей истории. Но подобная картина также плохо соотносится с первоначальными парадигмами, выдвинутыми аналитиками, пытавшимися интерпретировать несколько актов посткоммунистической пьесы. История не вернулась из прошлого – ни в виде агрессивного национализма, ни как непрерывное продолжение докоммунистического периода. Но история и не закончилась: демократические институты и либеральные идеологии, позаимствованные извне, не подталкивали эти общества в направлении либеральной демократии. Наблюдатели были введены в заблуждение демократическими и националистическими костюмами и масками, за которыми скрывалась более важная реальность" [Cohen 1999: 2].

Весьма характерно, что сформулированные Коэном теоретические констатации во многих аспектах весьма наглядно соотносятся, например, с эволюцией оценок Ральфом Дарендорфом значения "бархатных революций" в Центральной и Восточной Европе – от традиционного исторического оптимизма, свойственного западноевропейской социологической аналитике на ее начальном этапе, до глубокого скепсиса "десять лет спустя": "1989 г. был столь же важен, как и дата – 1945 г. Реально существующий социализм потерпел крах и сам факт его обреченности дал миру возможность открыть для себя все многообразие и различия, содержащиеся в свободе. Мы больше не имеем дело ни с 'системами', ни даже с капитализмом или демократией как моделями единственными в своем роде, но с разносторонними попытками разработки способов усилить качество жизненных шансов для людей" [Dahrendorf 1997: 6]. Однако в начале XXI в. анализ итогов революционных трансформаций в регионе заставил Дарендорфа (и не только его одного) радикально пересмотреть взгляды на перспективы демократического процесса уже в глобальном масштабе: "Как представляется, после двух веков почетного служения, – демократия погружается в глубокий кризис с непредсказуемыми результатами: причем до такой степени, что мы даже не знаем, выживет ли она в текущих преобразованиях, будет ли продолжать существовать в той форме, которая нам известна. Сегодня почти все народы земного шара определяют 'демократию' как собственную систему правления. Как писал Джон Данн, 'впервые в истории человечества современная демократическая, конституционная и представительная республика является единственной доминирующей формой государства'. Но он же сказал: 'Когда, начиная с 1989 г., коммунистические режимы Восточной Европы, один за другим, потерпели крах, стало казаться, что демократия выиграет битву навсегда'. Затем он добавлял, что

'напротив, сегодня меньше, чем десятилетие спустя, многие уже не настолько в этом уверены'. Реальные возможности самоуправления ускользают из рук народа, 'демоса'. Процесс принятия решений становится более отдаленным, нередко приобретая мистические очертания таинственности" [Dahrendorf 2003: 10; ср.: Dahrendorf 1959: 290-295; Dahrendorf 1997: 45-46, 51-52; Eisenstadt 1992: 385-401; Outhwaite, Ray 2005: 196-203].

Учитывая многообразие исторического материала, накопленного за последние десятилетия и возрастающее количество критических суждений и оценок, представленная работа может рассматриваться лишь как одна из многочисленных попыток выделить некоторые структурные моменты – институциональный, идеологический и коммуникативный – которые изначально определяли природу посткоммунистических режимов и до сих пор сохраняют немалый потенциал для развития в самых неожиданных ракурсах и направлениях. Такой подход, на наш взгляд, позволяет в порядке теоретической ретроспекции переосмыслить эволюцию посткоммунизма, опираясь на опыт современных интерпретаций этого феномена и понять, насколько правомерны обозначенные выше оценки выдающихся ученых.

"ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ТРАНЗИТЫ" И НОВЫЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

Принципиальным моментом теоретического анализа является выделение смысловых значений понятия "посткоммунизм", уяснение роли институциональных и идеологических размежеваний в трансформационном процессе, определяющих необходимость исследования наиболее существенных характеристик национальных партийных систем и идейно-политических ориентаций граждан. Разумеется, при этом невозможно игнорировать тот факт, что понятия "посткоммунизм", "посткоммунистическая" (постсоциалистическая, посттоталитарная и т.п.) фаза развития являются весьма смутными в теоретическом плане и представляют большие трудности для научной интерпретации. Основная причина – историческая беспрецедентность трансформации коммунистических систем в капиталистические и демократические. Ориентация политических элит, пришедших к власти в Центральной и Восточной Европе, на создание рыночной экономики и либеральной демократии предопределила радикально новые параметры политического процесса в этих регионах. Если для переходных процессов в Латинской Америке или южной зоны Европы (Греция, Испания и др.) главный пункт реформ – отношения между армией и структурами "гражданского общества", то в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), особенно в начальный период демонтажа коммунистической системы на передний план выступили отношения между индивидами и государством (государственной бюрократией), которое традиционно отождествляло себя с обществом и его интересами. В частности, вопросы – принимали ли участие отдельные граждане в политических репрессиях, в деятельности государственных секретных служб, политической коррупции и других аналогичных преступлениях, приобрели огромное значение и сконцентрировали общественное мнение на проблеме так называемой "люстрации", т.е. политически мотивированных чисток с последующим установлением периода "искупительных жертв" (от лат. *lustrum*) для коммунистических функционеров высшего и среднего звена, а в перспективе и для лиц, сотрудничавших с секретными службами.

Институциональные изменения, безусловно, играют важную роль в процессе перехода к демократии, являясь детерминантой и составной частью процесса трансформации. Их нельзя рассматривать в отрыве от конкретных

политико-правовых и социально-экономических условий. Любой переход к демократической системе сопровождается набором общеизвестных "обязательных" признаков. Анализируя особенности демократизации в ЦВЕ, необходимо осознать региональную специфику посткоммунизма. Существенными чертами опыта стран региона представляются взаимозависимость трансформационных процессов в этих странах, а также крайняя вариативность развития событий, причина которых – гетерогенные влияния с Запада и Востока.

В теории демократического транзита посткоммунизм изначально рассматривался как относительно короткий исторический период, отделявший господство авторитарной коммунистической власти от торжества консолидированной демократии. Вместе с тем, посткоммунизм остается весьма неопределенным понятием. Польский политолог А. Рыхард пишет о двух наиболее ранних значениях посткоммунизма. "Первое связано с тем, что названный термин означает систему, еще не сформировавшуюся до конца, не совсем определенную, потому акцент делается на то, что данная система возникла после другой, вполне определенной. Исходя из этого, 'посткоммунизм' – понятие не нормативное, а описательное. Недостаток такого подхода в том, что термин 'посткоммунизм' в известном смысле остается 'пустым', ничего не говорящим о специфике обозначаемой им системы. Второе значение термина связано с некой негативной его окрашенностью, акцентированием связи посткоммунизма со всем тем, что было в прошлом, в эпоху коммунизма" [Rychard 2006: 468].

Оба подхода роднит четкое противопоставление посткоммунизма предшествующей эпохе: складывающаяся в процессе социально-экономической и политической трансформации система, в первую очередь, интерпретируется как выход из "реально-коммунистической" организации, но априорно не обладающей ясными критериями самооценки. Сербский исследователь С. Стоянович отмечает, что посткоммунизм – это смешение коммунизма, докоммунистических укладов и капитализма [Стоянович 1996: 50-54]. Его своеобразие в каждой стране определяется сочетанием двух переменных: степени удаленности от коммунизма и степени возврата к докоммунистическому укладу. Подчеркивается обусловленность посткоммунистического состояния общества историческими детерминантами. Поскольку посткоммунизм обладает специфическими свойствами, ориентированными на прошлое, то правильнее было бы рассматривать его как процесс трансформации, потенциально обладающий определенными "репродуктивными" характеристиками, присущими реставрационным процессам.

По нашему мнению, выявление региональной специфики институционального развития стран ЦВЕ возможно в рамках критической теории посткоммунизма как составной части "транзитологической" концепции, центральную роль в которой играет описание "траектории развития". В этом плане посткоммунизм должен определяться не как кратковременная переходная фаза развития политической системы, но как долговременный институциональный проект: в стратегическом плане на первом этапе осуществляется полный разрыв с "народной демократией" и "реальным социализмом", заключительная часть подразумевает консолидацию демократии, создание рыночной экономики и социального государства. Однако в действительности самым сложным оказалось формирование "сердцевины" посткоммунистического проекта, а именно –институциональной системы, которая позволила бы эффективно, с минимумом трансакционных издержек заменить прежнюю систему новой. Главная причина заключалась в том, что, если на исходном этапе политические изменения явно опережали экономические, то уже в начале XXI в. ситуация приобретает прямо противоположные характеристики – инерция политического развития фактически сходит на нет.

По мере накопления фактического материала в рамках политологических школ сформировались более четкие представления о различных фазах и стадиях посткоммунистических преобразований: за демонтажем системы автократического правления следует фаза перехода к демократической политической системе; за конструированием структурных элементов новых форм правления наступает стадия налаживания "эффективного функционирования демократического режима", "отстраивания оптимальной деятельности демократического политического порядка" [Яжборовская 2001: 196]. Эту стадию американские политологи-компаративисты Х. Линц и А. Степан назвали "незавершенным демократическим переходом" [Linz, Stepan 1996: 3]. Вместе с тем "транзитология", несмотря на некоторые когнитивные и эвристические достижения, оказалась не в состоянии объяснить ряд феноменов, которые пришлось списывать на некие "трансформационные издержки" и "спазмы аккомодации" политической системы, испытывающей чрезмерные перегрузки [Тарасов 2009: 127]. "Неожиданный болезненный ход восточноевропейской трансформации поставил '*приверженцев старого подхода*' (*old line apologists*), как их назвал Джеффри Александер, перед целым рядом аномалий. Вместо адаптационного роста (*adaptive upgrading*) наблюдался экономический крах, вместо расширяющегося гражданского участия и универсальных ценностей – этнически и религиозно определяемые границы, вместо целостного достижения системных целей (*goal attainment*) появились хрупкие коалиции реформ, которые противостоят неуправляемым обществам, особенно на территории бывшего Советского Союза" [Мюллер 2003: 131-132]. Классическая теория модернизации, оказавшись вынужденной существенно перестраивать методологию, все же представлялась в глазах большинства западных ученых более пригодной для изучения посткоммунистических процессов по сравнению с "транзитологией" и традиционными школами, разрабатывавшими в различных направлениях теорию тоталитаризма.

Прежде всего, было необходимо определить общие направления научной "перестройки". Так, например, Кр. Хэрпфер, выделив три основных традиционных подхода в исследованиях демократизации – "модернизационный", "транзитологический" и "структурный", рассматривает в качестве наиболее перспективного "трансформационный подход", в рамках которого анализируются три процесса: "демократизация в направлении демократии", "маркетизация в направлении рыночной экономики", "создание гражданского общества" [Haerpfer 2002: 1].

Еще в 1993 г. немецкий политолог Й. Хессе обозначил отличительные черты трансформаций, происходивших в посткоммунистическом мире:

– переход от систем однопартийного правления с главенствующей ролью коммунистической партии во всех сферах общества к плюралистическим, многопартийным парламентским системам с демократически избираемыми и ответственными правительствами;

– отход от принципа "демократического централизма" в пользу далеко идущих деконцентрации и децентрализации политической власти, осуществляемых под эгидой правового государства;

– отказ от принципа единства между экономикой и политикой, который влечет за собой появление отличных друг от друга сфер политической и экономической жизни;

– всеобъемлющие экономические реформы, главная цель которых заключается в усилении частного предпринимательства, денационализации (или, скорее, приватизации) обширной доли продуктивного капитала, ранее контролируемого государством, и существенная отмена контроля, а также либерализация национальной экономики [Hesse 1993: V].

В представленной Й. Хессе схеме бросаются в глаза не только хорошо знакомая из трудов теоретиков ленинизма идея "примата политики над экономикой", но и другая черта, обозначенная немецким политологом весьма примечательным сочетанием английских и латинских слов – "transformation as rejection of the old administrative system, change *via negationis*" (трансформация как отказ от старой административной системы, изменение *путем отрицания*) [ibid.: 220].

Причина такого подхода вполне понятна: 1989 г., оказавшийся годом смены курса развития, не стал временем абсолютного слома старой системы. "В конечном счете, в начале 1990-х гг. все страны Центральной и Восточной Европы вступили в весьма неустойчивое переходное состояние, когда прежние правящие силы уже утратили или утрачивали власть, но созданные ими институты некоторое время все еще сохранялись" [Экономические и политические реформы... 1992: 53]. Формирование политических и управленческих структур проводилось под лозунгом отказа от коммунистического опыта. Главной идеей процесса было повышение эффективности работы государственного аппарата. Обостренность политической борьбы приводила прежний государственный аппарат в состояние крайней неэффективности. Новые политические условия требовали не только иных инструментов, но и иных механизмов управления. Теперь не партийная элита, а парламенты и правительства принимали государственные решение и несли за них ответственность.

Восточноевропейские страны имели дело с "двойным переходом": от "реального социализма" к демократии и от системы планового хозяйства к рыночной экономике [Fish, Choudhry 2007: 254-282]. При этом условия для политической реконструкции были более сформированы, чем условия для реализации экономических реформ. Любое посткоммунистическое правительство с начала 1990-х годов сталкивалось с необходимостью "подтягивать" экономические преобразования до темпов политических реформ и постоянно находилось в зависимости от политической конъюнктуры. В результате отмеченные выше специфические обстоятельства, повсеместно сопровождавшие процесс посткоммунистических трансформаций, к началу XXI в. стали главной причиной глубокого скепсиса ученых в отношении методологической и теоретической эффективности "транзитологических" моделей. Д. Ост отмечает, что "для того, чтобы понять демократизацию в Восточной Европе, мы нуждаемся в остром осознании вариаций внутри демократического капитализма. Вместо того, чтобы предлагать различные системы показателей о существовании базовых индивидуальных прав, самое время рассматривать восточных европейцев как граждан иных демократических стран и исследовать природу и качество демократии, которую они имеют. Мы нуждаемся больше в этнографии, чем в транзитологии" [Ost 2005: 188]. "Этнографический фактор" относится не столько к традиционной атрибутике институтов политической демократии – парламент, ответственное правительство, периодические выборы, стабильные партийные системы, но характеризует их социальную основу, определявшую особенности поведения избирателей, конкретный характер деятельности политических партий и, в конечном итоге, механизмы функционирования политических институтов в целом.

Программы и политика посткоммунистических партий вряд ли могут рассматриваться сквозь призму классических дихотомий, характерных для партийных систем Западной Европы: левые – правые, капиталистические (буржуазные) – пролетарские; богатые – бедные; сельские – городские; христианские – светские; этатистские – антиэтатистские; националистические-интернационалистские и т.д. [Kitschelt 1992: 7-50]. Усиливавшееся в посткоммунистической

Европе отчуждение граждан было связано не только с "партизацией власти", но и с политическим клиентелизмом [Тарасов 2010]. Оба явления существенно сокращают сферу публичной политики. Чешский политолог П. Фрич определяет клиентелизм как "проникновение родственных и дружеских отношений в сферу юридически универсальных и безличных правил исполнения обязанностей общественного деятеля" [Frič 1999: 28]. Формы политического клиентелизма могут быть различными: персонифицированными, должностными, партийными и т.п. Американский социолог К. О'Двайер утверждает, что посткоммунистические государства особенно предрасположены к политике патронажа, поскольку демократизация здесь предшествовала учреждению автономной, политически нейтральной системы государственной службы [см. Vanhuysse 2008]. Израильский политолог П. Ванхюссе приводит тезис К. О'Двайера и, оперируя многочисленными эмпирическими данными, называет клиентелизм актуальной характеристикой политий в Центрально-Восточной Европе, акцентируя внимание на существенном поражении этим недугом политических партий [ibid.]. Э. Адонис и Д. Малган уже в середине 1990-х годов отмечали две фундаментальные слабости посткоммунистической демократии: "отрыв политики от общества и политической ответственности от граждан" [Adonis, Mulgan 1994: 6]. Критики плюралистической демократии постоянно указывали на тенденцию к сужению числа лиц, способных оказывать влияние на процесс принятия политических решений, на иллюзорный характер выборов и манипулятивный механизм освещения политического процесса в средствах массовой информации. В целом сравнительные исследования, посвященные "политике давления", показали, что объектом повышенного внимания групп интересов становится именно бюрократия [Meier, Bohte 2007; Gormley, Balla 2017]. В условиях конкуренции со стороны бюрократии партии изменяют первоначальный облик, нередко в ущерб собственным декларируемым социальным функциям.

Возникающие в Центральной и Восточной Европе картельные партии формируют механизмы распределения государственных постов, увеличивающихся государственных субсидий между группами профессиональных политиков на широкой коалиционной основе [Katz, Mair 1995]. Такие партии находятся ближе к государству, чем традиционные партии-дистрибьютеры государственных ресурсов. Подчеркнем, что картельные партии не новый идеологический, организационный или региональный тип. Их появление Г. Блумлер и Д. Каванах связывали с тем, что традиционные (идеологизированные) политические партии утратили доминирующее положение на рынке политических коммуникаций [Blumler, Kavanagh 1999; см. также Racz, Kukorelli 1995: 251-280].

Прежняя коммунистическая система отличалась атомарной, диффузной социальной структурой. Специфика процесса социальной рестратификации в постреволюционных обществах, отсутствие влиятельных групп интересов, опирающихся на массовую базу, существенно затрудняли артикуляцию политических предпочтений избирателей. Поведение электората определяли факторы более глубокого порядка. Развитие в направлении "социально ориентированной рыночной экономики", декларированное в программах реформаторов первой волны, сразу обнаружило большое количество кричащих парадоксов. Например, радикальные экономические реформы и приватизация, создание доходных государственных и частных предприятий, формирование новой экономической элиты, увеличение спроса на рабочие места и т.д. возможны только в случае, если политическая система в состоянии справляться с первичными непосредственными последствиями начавшихся реформ – резким снижением

жизненного уровня и социальной дезинтеграцией, вызванными радикальной трансформацией социалистической экономики и общественных структур. Наследие социалистического государственного патернализма со специфической комбинацией авторитаризма и политики, направленной на обеспечение и поддержание благосостояния, постоянно приводило к конфликту укоренившихся на протяжении десятилетий ожиданий и надежд на помощь государства для поддержания стабильного уровня потребления с политикой либерализации, не предусматривавшей создания соответствующих государственных фондов.

"Конфликт ожиданий" во многом углублялся возникновением форм социальной дискриминации, связанных с трансформацией бюрократического социализма и его властных структур. Под аккомпанемент широко разрекламированной в СМИ кампании по "декоммунизации" десятки, если не сотни, тысяч представителей номенклатуры высшего и среднего звена, используя тайные и явные финансовые ресурсы, личные связи и хорошее знание столичной, региональной и местной конъюнктуры, переместились в процессе приватизации из партийных кресел на места руководителей банков, совместных и частных предприятий, составив основу нового "кадрового капитализма". Подобные метаморфозы резко контрастировали с потерей огромным числом граждан в результате приватизации и рационализации производства работы или многих преимуществ, связанных в прошлом с высокой квалификацией или академическим образованием. Другие группы населения – пенсионеры, многодетные семьи, безработные, матери-одиночки – были вообще отброшены процессом модернизации до уровня ниже прожиточного минимума. Обширный слой низкооплачиваемых государственных служащих подвергся серьезной дискриминации. Бедность как фактор социальной жизни развивалась на фоне расцвета афер "новых богачей", спекулянтов, мафиозных организаций, получавших огромные полулегальные и незаконные доходы и обладавших большим влиянием практически во всех посткоммунистических обществах [Meyer 1996: 20].

Типичным примером такого варианта развития является посткоммунистическая Польша. Левое крыло "Солидарности", на основе которого формировалась правящая элита, полностью отрицавшая марксистские экономические принципы, было не только вынуждено унаследовать коммунистическую бюрократию с ее методами социально-экономической трансформации (ведь новые политики были совершенно не готовы взять власть), но и решило продолжить приватизацию "по Раковскому". Именно к этому в конечном итоге сводился широко разрекламированный "план Бальцеровича". При такой конъюнктуре первой из облагодетельствованных новым витком "приватизации" оказалась верхушка посткоммунистической элиты. Различие между нею и старой номенклатурой состояло в том, что, будучи абсолютно не связанными нормами "социалистической морали" и идеологии, ее представители стали безоглядно предаваться демонстративному потреблению [Karpinski 1993: 9-16].

По свидетельству многих наблюдателей, большинство членов недавней оппозиции были либо просто бедны, либо лишены сколько-нибудь значительных средств. В новых условиях они решили полностью компенсировать годы лишений, для чего сохранили "сюрреалистическую законодательную систему" [Zubek 1997:115], созданную в последние годы коммунистического правления специально для "законной" конфискации государственной собственности. В итоге многочисленные функционеры левого крыла "Солидарности", бывшие за два года до победы чуть ли не пауперами, в считанные месяцы превратились в весьма состоятельных людей [Smecz 1994: 70-80].

Последующие политики, в прошлом близкие к "Солидарности", не упустили редчайшую историческую возможность превратиться в капиталистов.

Однако золотой поток первых лет посткоммунизма стал уменьшаться вследствие крайнего неприятия практики широкими народными массами [Zubek, 1997: 123]. Эти годы были охарактеризованы взрывом многочисленных сомнительных, полукриминальных и преступных афер, связанных с манипуляцией налогами, банковскими операциями, таможенным законодательством с целью создания "черных дыр", пользуясь которыми, многочисленные авантюристы за несколько дней составляли огромные состояния [Kaminski, Stefanowicz 1994].

Подобные тенденции имели место в большинстве посткоммунистических стран и не могли не повлиять на характер формирующейся политической культуры и особенности развития политических процессов. Специалисты выделяют следующие черты современной политической культуры в посткоммунистической Центральной и Восточной Европе: 1) преобладание профессиональных политиков; 2) низкий уровень политического участия; 3) широко распространенные политическая апатия и стремление замкнуться в частной жизни (*приватизм*); 4) тенденция к авторитаризму, выражающаяся как в латентных, так и в открытых формах [Meyer 1996: 27].

В проведенном в 1993 г. венгерским политологом М. Бихари исследовании политической культуры и стиля поведения новых политических партий, особенно входивших в правящую коалицию, перечисляются их особенности: склонность к болезненной и ультимативной политизации, пренебрежение по отношению к оппонентам, вера в незаменимость, безудержное недоверие, разрыв с обществом и стремление его поучать, узкогрупповой подход к политике (*Kamarilla-Politik*), сознание избранничества, ставка на тип "солдата партии", героизация политики и стиль политического поведения, диктуемый подозрительностью и страхом [Szabo 1996: 62]. Все эти черты поведения и руководства были элементарным воспроизведением традиционного "партийного архетипа", сформировавшегося в 1920-30-е годы.

С исторической и социологической точек зрения тезис, согласно которому революционные группы, пытающиеся создать новые политические институты и методы управления, просто воспроизводят в видоизмененных формах традиционные авторитарные стереотипы, является тривиальным, если он не опирается на конкретный детальный анализ как особенностей поведения современных посткоммунистических элит, так и специфики политического дискурса, в рамках которого и развертывается политический процесс в регионе [Körösényi 1991: 1-23]. Тот факт, что антикоммунистическое движение вдохновлялось традиционным набором утопических ценностей, в центре которых находились окрашенные исторической эсхатологией категории добра и зла, не отменяет необходимости указанного выше анализа. По справедливому замечанию Г. Шёпфлина, "Антикоммунистическая ценностная система состояла из спасительных идеализированных элементов докоммунистического прошлого, особенно национализма, который возбуждал ту иллюзию, что национальная свобода неизбежно приведет к индивидуальной свободе и экономическому благосостоянию, причем и то, и другое воспринималось в мистифицированной западной версии" [Schöpflin 1993: 23]. Восприятие соответствовало образу "аполитичной политики", или "антиполитики", первоначально разработанному польскими, венгерскими и чешскими интеллектуалами, выдвинувшими лозунг "морального сопротивления" правящему коммунистическому режиму [Jabloński 1996: 46]. Наступление эпохи "мирных революций" существенно трансформировало идею "антиполитики", превратив ее в орудие осуществления не общественных, а узкогрупповых интересов.

Применительно к Польше трансформация идеи проанализирована в работах М. Татур. Как показывает проведенное М. Татур исследование польской модели "антиполитики", реализованной на первом этапе движением "Солидарность", стратегия "мирной революции" и либеральных реформ, ориентированных на создание "нормального" западного общества, опиралась на интеллигентскую мифологию: легитимность новой системы обеспечивалась легендой о диссидентах как моральной и культурной элите общества с соответствующей популистской авторитарной риторикой. Кандидаты на места внутри новой политической элиты руководствовались пониманием политики как игры, правила в которой устанавливаются конкуренцией элитарных группировок. Проведение неолиберальных реформ сверху изначально предусматривало жесткую запрограммированность узкогрупповых интересов. В итоге новая элита, несмотря на имидж демократической легитимности, не обрела прочных позиций в обществе и фактически функционировала как изолированный "политический класс", предпочитавший авторитарные ориентации и искусственную сверхидеологизацию политического дискурса. Реакцией на такую форму элитарной политики стала враждебность народа ко всякой партийной политике вообще. "Антиполитика" оказалась лишь способом обеспечения свободы действий для новой бюрократии [Tatur 1996: 53-54].

В этом плане необходимо более подробно охарактеризовать специфику идеологических процессов в посткоммунистическом регионе.

Либеральные вызовы, посткоммунистическая мифология и идеологические ловушки

В научной литературе на протяжении долгого периода проблеме формирования идеологических дискурсов в посткоммунистическом мире уделялось гораздо меньше внимания, чем институциональным аспектам. Это было связано и с тем обстоятельством, что идеология как ресурс диффузной поддержки первоначально не рассматривалась элитами посткоммунистических стран в качестве необходимого элемента легитимации. Однако по мере выстраивания демократических институтов и продвижения социально-экономических преобразований возникала потребность в формировании консолидирующего и мобилизующего идейного начала. Первичное отрицание посткоммунистическими элитами идеологии было связано не с триумфом концепции деидеологизации, а с неприятием прежнего марксистского понимания идеологии и ее роли в политических процессах. Но постепенно ситуация стала изменяться. "Как первоначально представлялось, угасание коммунистических режимов в конце 1980 – начале 1990-х годов сигнализировало о завершении интенсивного идеологического противостояния и окончательном триумфе либерализма как превалирующей глобальной идеологии. Однако возникновение сложной и многообразной посткоммунистической реальности заставило предположить, что посткоммунистический идеологический ландшафт оказался более противоречивым и спорным, чем раньше думали" [Chen 2016: 11]. Сегодня политические элиты и интеллектуалы, подводя промежуточные итоги посткоммунистического периода истории, одновременно ведут активный поиск идей, которые способствовали бы социальной мобилизации и консолидации. В политической науке возрождается дискуссия относительно концептуального значения посткоммунизма и соответствующих эпистемологических подходов к его анализу. Одновременно со спорами научного характера об идеологической составляющей концепта продолжаются исследования идейно-политического развития посткоммунистических обществ, партийных систем, трансформационных сдвигов в общественном сознании.

Большинство исследователей признают, что идеология в условиях посткоммунизма в ряде важных аспектов активно влияет на формирование нормативно-ценностных и символических структур политики; она органически "встроена" в программы политических партий, парламентские дебаты и структуры массмедиа. Такие вербальные и институциональные проявления идеологического дискурса присущи многим политическим режимам. Однако в посткоммунистических политиях идеологический дискурс формируется ситуационно, в зависимости от складывающейся внешне- и внутриполитической конъюнктуры. Нередко граждане – основной потребитель дискурсивной продукции – с трудом могут понять истинный смысл политических речей и принимаемых решений.

Непонимание имеет разные причины. Исходный момент формирования "нового посткоммунистического сознания" в свое время был предельно точно обозначен А. Пшеворским. "Если сравнивать относительные экономические характеристики Польши и Аргентины за последние десять лет, никто не смог бы предсказать на основе какой-либо экономической статистики, что одна система рухнет, а другая нет. И все же, если бразильцы были склонны рассматривать свои лишения как результат несправедливости, в Польше респонденты в опросах приписывали свое жалкое состояние иррациональности коммунистической системы. Единственной очевидной причиной была явная демонстрация влияния Западной Европы: сравнение, которое становилось все более унизительным по мере того, как проходило время. 'Почему Восточная Германия не может быть такой же, как Западная Германия?' Вот в чем был вопрос, на который в конечном итоге давался один ответ – 'экономическая система'. В то время как народы, живущие при коммунизме, могли наблюдать успешные капиталистические экономики, как только разразился кризис, народы, живущие при капитализме, не имели какой-либо парадигмы успеха на примере командных экономик. В то время, как причины коллапса роста на Юге и Востоке не очевидны, ответ на него, как представляется, идентифицировать гораздо легче. Он может быть наилучшим образом охарактеризован как 'модернизация через интернационализацию'. Различные политические силы на капиталистическом Юге и посткоммунистическом Востоке не видели никакой альтернативы, кроме как отправиться в 'Северо-Западный Перелет': в путь, который привел бы их общества в Первый Мир, для одних – на Север, для других – на Запад. Это была стратегия усвоения политической, экономической и культурной организации, уже существующей повсеместно: демократии, рынков и индивидуалистической, ориентированной на потребление культуры, которая доминирует в передовом капиталистическом мире. В данной стратегии модернизация становится синонимом интернационализации: интеграции в мировую экономику, соединенной с имитацией экономических, политических и культурных образцов, превалирующих в развитых капиталистических странах" [Przeworski 1995: 3].

Комментируя аналогичные рассуждения адептов имитационной культуры, ставшие в конце 1980-х – начале 1990-х годов своеобразным идеологическим "брендом" посткоммунистического вульгарного либерализма, немецкий политолог Г. Шёпфлин вполне справедливо отмечал: "Но ведь не-символическая Европа Запада была отлична от мифа и символической 'Европы', которая оказывала такое воздействие в 1980-е годы. В действительности 'Европа' существовала как удвоенная цель – как культурное устремление и как членство в ЕС, как система институтов, практик, процедур, в которых посткоммунистические страны были по большей части несведущи и считали их непригодными для своих потребностей... Принципы либеральной демократии и демократического плюрализма могут функционировать только в том

случае, если они соответствуют существующим политическим, социологическим и культурным реалиям. Решающий момент состоял в том, что процесс трансформации, обозначаемый как 'транзит', вызвал к жизни трудность, не поддающуюся общему диагнозу – разграничение между согласием осуществлять власть и самой демократией" [Schöpflin 2001: 110; ср. Bellamy 2001: 190-192; см. The Meaning of Liberalism 2000; Gutorov 2015: 77-93].

Трансформация обществ реального социализма была процессом возврата или реинтеграции в социальные, политические и экономические структуры, для преодоления которых они были созданы. Легитимирующую основу процесса большинство бывших социалистических стран нашли в различных формах политического и экономического либерализма, вернувшись тем самым и на идеологическом уровне к учению, возникшему в ранний период эволюции капитализма. Тенденция усиливалась отмеченным выше изменением цикла развития западных обществ, в частности – стремлением неоконсерваторов "свернуть" структуры "общества благосостояния" под аналогичными либеральными лозунгами классического капитализма. В конце XX – начале XXI вв. активную роль в общественном дискурсе Запада играли радикальные неоконсервативные версии идеологии, сочетавшей консервативную программу политических реформ с ярко выраженной либертарианской (неолиберальной) риторикой, которая постоянно использовалась правящими кругами США и Западной Европы для идеологического воздействия на политические элиты стран Центральной и Восточной Европы в период "бархатных революций". Как отмечал Р. Бейнер: "Революция в Центральной Европе приветствовалась либеральным, рыночно-ориентированным Западом, от всей души поздравлявшим себя. Такого рода поздравления, как представлялось, были вполне оправданы, во-первых, потому, что Запад 'выиграл' войну определенного рода, которая велась в предшествующие четыре десятилетия; а во-вторых, потому, что экономический динамизм либеральных обществ, как полагали, был решающим признаком превосходства Запада над Востоком, обеспечивающим победу в этой войне" [Beiner 1995: VIII]. Но одновременно более явственными становились противоречия современного либерализма как в политическом, так и в этическом и культурном плане. "Другой глубокий парадокс современного либерального упорядочивания жизни состоит в том, что, усиливая в высшей степени ограниченное видение достоинства и уникальности индивида в рамках отдельной субгруппы, он одновременно предлагает коллективный образ жизни ('американизм'), который, быстро распространяясь, опутывает земной шар... Либерализм не в меньшей степени, чем социализм, феодализм или любой другой социальный порядок, – это глобальное устройство, т.е. образ жизни, который исключает другие образы жизни" [Beiner 1995: 24; ср. Hallowell 2002: 6-20; Prozorov 2009: 6-8].

К началу XXI в. исчезновение из массового сознания дихотомии "капитализм – социализм" и распространение убеждения, согласно которому "социализм более не является принципиальной контркультурой по отношению к капитализму" [Kennedy 2002: 1], усилили диффузный характер как массового сознания, так и формирующегося нового идеологического дискурса. Кроме того, сама парадоксальность идеологического восприятия экономических реформ теми социальными слоями, которые в наибольшей степени от них страдали, заключалась в том, что, как отмечал Д. Ост, "в той мере, в какой трудящиеся противодействовали результатам рыночной экономики..., они вообще не рассматривали себя в качестве антикапиталистов. В полном соответствии с тем, чему их раньше учили прежние лидеры, они по большей части верили, по крайней мере, в первое посткоммунистическое десятилетие, что капитализм отвечал их собственным экономическим интересам... Каковы были последствия этого?

Прежде всего, это приводило наиболее очевидным образом к ослаблению рабочего движения, неспособного защищать собственные интересы против неолиберальных реформаторов и новой элиты... Последствия для демократии были еще более глубокими. Ведь слабость классовых расколов решительно подталкивала политическую жизнь в нелиберальном направлении, формируя демократию, в которой социально-экономические конфликты мобилизовались скорее вокруг идентичностей, чем интересов. При этом все другие определялись в большей степени как чужие, но не как оппоненты" [Ost 2005: 180, 186; см. также Outhwaite, Ray 2005: 35-36; ср. Hallowell 2002; Kennedy 2002; Moeller 2009 passim].

Своеобразным итогом подобной эволюции посткоммунистического идеологического дискурса стало возникновение весьма устойчивого дискурсивного мутанта, удачно обозначенного П. Дуткевичем как "люмпен-либерализм". Основной смысл этого термина состоит в том, что "люмпен-либерализм использует также популистские политические методы в период политических кампаний, немедленно забывая обещания сразу после следующих за ними выборов. В этом смысле, насколько это относится к главной экономической политике, в Восточной Европе не существует слишком большого разрыва между левой и правой" [Дуткевич 2006: 43].

Как показывает опыт, популистские методы политики в посткоммунистических обществах постоянно подпитывались многообразными политическими мифами. Установление тотального господства неолиберальной догматики в посткоммунистических обществах, обосновывавшей необходимость искусственного создания власти новой экономической и политической элиты и, до известной степени, являвшейся идеологическим коррелятом апатии и приватизма, сопровождалось, как и в тоталитарный период их истории, множеством легенд. Как справедливо отмечал Х. Видра в предисловии к сборнику статей с характерным названием "Демократия и миф в России и Восточной Европе": "В то время как Россия до 1917 г. создала 'бутафорский конституционализм', Восточная Европа видела неудавшиеся демократические эксперименты. Коммунистическая власть в России и Восточной Европе после 1945 г. полагалась на конституционные мифы, культ личности и догматический марксизм-ленинизм, а равным образом и на эсхатологический миф о переходе к коммунизму. Соответствующая литература о демократизации в посткоммунистической Восточной Европе не только скрывала этот парадокс, но и использовала его в целях навязывания программы истины. Демократия была сведена к институционализации, основанной на интересах партийной политики, руководимой интересами и знаниями просвещенных элит, которые смастерят, разовьют и консолидируют демократию. После 1989-1991 гг. парадигма 'перехода к демократии' приобрела квазимифический характер, равным образом, как и идея ее проектного учреждения в политическом плане, ставшая необсуждаемой... Недавнее исследование 'Создавая капитализм без капиталистов' доказывало, что посткоммунистические общества не только развивают новые формы капитализма, но что этот новый опыт также вынуждает нас пересматривать классические подходы к капитализму. В условиях отсутствия при коммунизме класса частных собственников в Центральной Европе другая социальная страта – культурная буржуазия (*Bildungsbürgertum*) возложила на себя историческую миссию строительства капиталистического экономического порядка. Капитализм вступил в Восточную Европу не через профессиональную элиту, но опираясь на гуманистически ориентированных интеллектуалов" [Democracy and Myth... 2008: 2].

Быстрая эволюция политического дискурса от "либерального гуманизма" и "общечеловеческих ценностей" к националистической риторике и ксено-

фобии, происходящая в наши дни в ряде посткоммунистических стран, наглядно свидетельствует о том, что одним из главных источников постоянных идеологических трансформаций в общественном сознании являются крайне противоречивые политические идеи и позиции интеллектуалов, устремившихся во власть уже на начальной стадии реформ.

(Часть II статьи читайте в следующем номере.)

Дуткевич П. 2006. Асимметричная власть, ересь и посткоммунизм: несколько мыслей. – *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. № 4. С. 39-46.

Мюллер К. 2003. От посткоммунизма к постмодерну? К объяснению социальных изменений в Восточной Европе. – *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Том 1: Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*. Ред.-сост. П. Штыков, С. Шваниц. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад. С. 130-172.

Стоянович С. 1996. Посткоммунизм: противоречия между демократией и капитализмом. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 50-54.

Тарасов И.Н. 2009. *Политические институты и практики посткоммунизма в Центрально-Восточной Европе*. Саратов: Саратовский социально-экономический университет. 288 с.

Тарасов И.Н. 2010. Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы – *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 6. № 1. С. 83-94.

Экономические и политические реформы в странах Восточной Европы и Азии. 1992. Под ред. А.М. Румянцева. М.: Наука. 245 с.

Яжборовская И.С. 2001. Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. – *Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие*. Отв. ред. акад. Г.С. Севостьянов. М.: Наука. С. 192-202.

Adonis A., Mulgan G. 1994. Back to Greece: the Scope for Direct Democracy. – *Demos*. No. 3. P. 2-9.

Beiner R. 1995. *What's the Matter with Liberalism?* Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press. 200 p.

Bellamy R. 2001. *Liberalism and Pluralism. Towards a Politics of Compromise*. N.Y., L.: Routledge. 245 p.

Blumler G., Kavanagh D. 1999. The third Age of Political Communication: Influence and Features. – *Political Communication*. Vol. 16. No. 3. P. 209-231. https://doi.org/10.1080/105846099198596

Chen Ch. 2016. *The Return of Ideology. The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China*. Albany: University of Michigan Press. 228 p. https://doi.org/10.3998/mpub.8811778

Cohen Sh. J. 1999. *Politics without Past. The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham, L.: Duke University Press. 281 p. https://doi.org/10.1215/9780822390671

Dahrendorf R. 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California: Stanford University Press. 336 p.

Dahrendorf R. 1997. *After 1989. Morals, Revolution and Civil Society*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 179 p.

Dahrendorf R. 2003. *Dopo la democrazia*. Roma, Bari: Editori Laterza. 112 p.

Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe. 2008. Ed. by A. Wöll, H. Wydra. L., N.Y.: Routledge. 225 p.

Eisenstadt S. 1992. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. – *International Social Science Journal*. No. 133. P. 385-401.

Fish S.M., Choudhry O. 2007. Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World. – *Comparative Political Studies*. Vol. 40. No. 3. P. 254-282. https://doi.org/10.1177/0010414006294169

Frič P. a kol. 1999. *Korupce na český způsob*. Praha: G plus G. 302 s.

Gormley W., Balla S. 2017. *Bureaucracy and Democracy: Accountability and Performance*. Wash.: Sage Publications Inc. 360 p.

Gutorov V. 2015. Citizenship, National Identity and Political Education: Some Disputable Questions. – *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. Vol. 7. No. 1. P. 77-93.

Haerpfer Chr. W. 2002. *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991-1998*. L., N.Y.: Routledge. 166 p.

Hallowell J.H. 2002. *The Decline of Liberalism as an Ideology. With Particular Reference to German Politico-Legal Thought*. Abington: Routledge. 141 p.

Hesse J.J. 1993. *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*. Ed. by J.J. Hesse. Oxford, Cambridge: Blackwell Publishers. 263 p.

Jabloński A.W. 1996. Politics of Virtue versus Politics of Interests: the Political Culture of Poland in the Era of Systemic Transition. – *The Political Culture of Poland in Transition*. Ed. by A. W. Jabloński, G. Meyer. Wroclaw. Widawnictwo Universitetu Wrocławskiego. P. 39-52.

Kaminski A.Z., Stefanowicz J. 1994. Korupcja-Schorzenie Panstwa. – *Res Publica*. No. 7/8. P. 31-35

Karpinski J. 1993. Aksamitna ewolucja: Komunizm i wyzwolenie nomenklatury. – *Puls*. № 5-6. P. 9-16.

Katz R., Mair P. 1995. Changing model of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party. – *Party Politics*. Vol. 1. No. 1. P. 5-28.

Kennedy M.D. 2002. *Cultural Formations of Postcommunism. Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press. 370 p.

Kitschelt H. 1992. The Formation of Party Systems in East Central Europe. – *Politics and Society*. Vol. 20. No. 1. P. 7-50.

Körösényi A. 1991. Revival of the Past or a New Beginning? The Nature of Postcommunist Politics. – *Political Quarterly*. № 1. P. 1-23.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins. 504 p.

Meier K., Bohte J. 2007. *Politics and the Bureaucracy*. Belmont: Thomson/Wadsworth. 312 p.

Meyer G. 1996. Towards a Political Sociology of Postcommunism: the Political Culture of East Central Europe on the Way to Democracy. – *The Political Culture of Poland in Transition*. Ed. by A.W. Jabloński, G. Meyer. Wroclaw: Widawnictwo Universitetu Wroclawskiego. P. 17-38.

Moeller J. 2009. *Post-Communist Regime Change*. L., N.Y.: Routledge. 177 p.

Ost D. 2005. *The Defeat of Solidarity. Anger and Politics in Postcommunist Europe*. Ithaca, L.: Cornell University Press. 238 p.

Outhwaite W., Ray L. 2005. *Social Theory and Postcommunism*. Oxford: Blackwell Publishing. 256 p. https://doi.org/10.1002/9780470773345

Prozorov S. 2009. *The Ethics of Postcommunism. History and Social Praxis in Russia*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 266 p. https://doi.org/10.1057/9780230239555

Przeworski A. 1995. *Sustainable Democracy.* Cambridge: Cambridge University Press. 141 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511664205

Racz B., Kukorelli, I. 1995. The "Second-Generation". Postcommunist Elections in Hungary in 1994. – *Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies*. Vol. 47. 2. March. P. 251-280.

Rychard A. 2006. Postkomunizm: Institucyonalny ład czy chaos? – *Współczesne społe-czeństwo polskie: dynamika zmian*. Pod red. J. Wasilewskiego. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar. S. 467-488.

Schöpflin G. 1993. Culture and Identity in Postcommunist Europe. – *Developments in East European Politics*. Ed. by S. White, J. Batt, P.G. Lewis. Houndmills, L.: The Macmillan Press Ltd. P. 16-28.

Schöpflin G. 2001. Liberal Pluralism and Post-Communism. – *Can Liberal Pluralism Be Exported. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Ed. by W. Kymlicka, M. Opalski. Oxford: Oxford University Press. P. 109-125.

Smecz (pseudonim of Tomasz Jastrun). 1994. Z ukosa. – *Kultura*. 6.06. P. 70-80.

Szabo M. 1996. Die Semantik des Systemwechsels. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss*. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Mein: Peter Lang. S. 57-70.

Tatur M. 1996. "Politik" im Transformationsprozeβ. Aspekte des politischen Diskurses in Polen 1989-1992. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss*. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Mein: Peter Lang. S. 39-56.

The Meaning of Liberalism: East and West. 2000. Ed. by Z. Suda, J. Musil. Budapest: CEU Press. 271 p.

Vanhuysse P. 2008. Introduction: Advances in the Study of Post-Communist States and Public Administrations. – *Sociologický časopis – Czech Sociological Review*. Vol. 44. No. 6. P. 1151-1154.

Zubek V. 1997. The Eclipse of Walesa's Political Career. – *Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies*. Vol. 49. 1. January. P. 107-124.

DOI: 10.17976/jpps/2018.03.05

POST-COMMUNISM IN INSTITUTIONAL, IDEOLOGICAL AND COMMUNICATIVE DIMENSIONS: CRITICAL NOTES. PART I

V.A. Gutorov[1], I.N. Tarasov[2]

[1]Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia
[2]Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad, Russia

GUTOROV Vladimir Aleksandrovich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University. Email: gut-50@mail.ru; **TARASOV Ilya Nikolaevich,** Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of the Chair of Politics, Social Technologies and Mass Communications, Immanuel Kant Baltic Federal University. Email: ITarasov@kantiana.ru

Gutorov V.A., Tarasov I.N. Post-Communism in Institutional, Ideological and Communicative Dimensions: Critical Notes. Part I. – Polis. Political Studies. 2018. No. 3. P. 60-77. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.05

Received: 19.02.2018. Accepted: 04.03.2018

Abstract. The article can be regarded as a contribution to the analysis of both the historical tradition and the prospects for social change in post-communist societies, taking into account the actual question of the extent to which contemporary theoretical debates reflect the real political, ideological and communicative trends in this region. The article raises a series of timely and acute questions about the modern condition and future of post-communism in the Central and Eastern Europe. The first part of the article is devoted primarily to the institutional and ideological aspects of post-communist transformations. These aspects are highlighted not by chance, because today there are many problematic research areas that are still historically and methodologically difficult to perceive by scientists as quite adequate research objects. In the theory of democratic transit, post-communism was initially viewed as a relatively short historical period that separated the dominance of authoritarian communist power from the triumph of consolidated democracy. In fact, the formation of the "core" of the post-communist institutional project, namely, the creation of political system that would effectively replace the old system with a minimum of transaction costs was the most difficult part of the process. The classical theory of modernization, forced to substantially restructure its methodology, nevertheless appeared, in the eyes of most Western scholars, to be much

more suitable for studying post-communist processes than "transitology". The article explores in detail a very characteristic model of "antipolitics" implemented in most post-communist countries already at the first stage of reforms. In the scientific literature for a long period, the problem of the formation of ideological discourses in the post-communist world has received much less attention than institutional aspects. Analysts everywhere note that, at the present time, the formation of ideological discourse in post-communist polities is carried out for the most part situationally, depending on the emerging external and internal political conjuncture. At the beginning of the XXI century the disappearance of the dichotomy itself of "capitalism-socialism" from the mass consciousness undoubtedly strengthened the diffuse character of both mass consciousness and the emerging new ideological discourse.

Keywords: post-communism; democracy; market economy; transitology; political institutions; bureaucracy; "antipolitics"; political transformations; party systems; ideology; ideological discourses; liberalism; neo-conservatism; political myth-making.

References

Adonis A., Mulgan G. Back to Greece: the Scope for Direct Democracy. – *Demos*. 1994. No. 3. P. 2-9.

Beiner R. *What's the Matter with Liberalism?* Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press. 1995. 200 p.

Bellamy R. *Liberalism and Pluralism. Towards a Politics of Compromise*. N.Y., L.: Routledge. 2001. 245 p.

Blumler G., Kavanagh D. The third Age of Political Communication: Influence and Features. – *Political Communication*. Vol. 16. No. 3. 1999. P. 209-231. https://doi.org/10.1080/105846099198596

Chen Ch. *The Return of Ideology. The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China*. Albany: University of Michigan Press. 2016. 228 p. https://doi.org/10.3998/mpub.8811778

Cohen Sh. J. *Politics without Past. The Absence of History in Postcommunist Nationalism*. Durham, L.: Duke University Press. 1999. 281 p. https://doi.org/10.1215/9780822390671

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, California: Stanford University Press. 1959. 336 p.

Dahrendorf R. *After 1989. Morals, Revolution and Civil Society*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 1997. 179 p.

Dahrendorf R. *Dopo la democrazia*. Roma, Bari: Editori Laterza. 2003. 112 p.

Democracy and Myth in Russia and Eastern Europe. Ed. by A. Wöll, H. Wydra. London, New York: Routledge. 2008. 225 p.

Dutkevich P. Asymmetric power, Heresy and Post-communism: Several Thoughts. – *Political Expertise*: *POLITEX*. 2006. No. 4. P. 39-46. (In Russ.)

Eisenstadt S. Frameworks of the Great Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency. – *International Social Science Journal*. 1992. No. 133. P. 385-401.

Jekonomicheskie i politicheskie reformy v stranah Vostochnoj Evropy i Azii. Pod red. A.M. Rumjanceva [Economic and Political Reforms in Eastern Europe and Asia. Ed. by A.M. Rumyantsev]. Moscow: Nauka. 1992. 245 p. (In Russ.)

Fish S.M., Choudhry O. Democratization and Economic Liberalization in the Postcommunist World. – *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. No. 3. P. 254-282. https://doi.org/10.1177/0010414006294169

Frič P. a kol. *Korupce na český způsob*. Praha: G plus G. 1999. 302 s.

Gormley W., Balla S. *Bureaucracy and Democracy: Accountability and Performance*. Wash.: Sage Publications Inc. 2017. 360 p.

Gutorov V. Citizenship, National Identity and Political Education: Some Disputable Questions. – *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. 2015. Vol. 7. No. 1. P. 77-93.

Haerpfer Chr. W. *Democracy and Enlargement in Post-Communist Europe. The Democratization of the General Public in Fifteen Central and Eastern European Countries, 1991-1998*. L., N.Y.: Routledge. 2002. 166 p.

Hallowell J.H. *The Decline of Liberalism as an Ideology. With Particular Reference to German Politico-Legal Thought*. Abington: Routledge. 2002. 141 p.

Hesse J.J. *Administrative Transformation in Central and Eastern Europe. Towards Public Sector Reform in Post-Communist Societies*. Ed. by J. J. Hesse. Oxford, Cambridge: Blackwell Publishers. 1993. 263 p.

Jabloński A.W. Politics of Virtue versus Politics of Interests: the Political Culture of Poland in the Era of Systemic Transition. – *The Political Culture of Poland in Transition*. Ed. by A.W. Jabloński, G. Meyer. Wroclaw. Widawnictwo Universitetu Wrocławskiego. 1996. P. 39-52.

Jazhborovskaja I.S. Politologicheskie podhody k problematike transformacii obshhestvennogo ustrojstva v stranah Central'noj i Jugo-Vostochnoj Evropy [Political Approaches to the Problems of the Transformation of the Social Order in the Countries of Central and South-Eastern Europe]. – *Revoljucija 1989 goda v stranah Central'noj (Vostochnoj) Evropy: Vzgljad cherez desjatiletie. Otv. red. akad. G.S. Sevost'janov* [The 1989 Revolution in the Countries of Central (Eastern) Europe: A Look Through the Decade. Ed. by G.S. Sevost'yanov]. Moscow: Nauka. 2001. P. 192-202. (In Russ.)

Kaminski A.Z., Stefanowicz J. Korupcja-Schorzenie Panstwa. – *Res Publica*. 1994. No. 7/8. P. 31-35.

Karpinski J. Aksamitna ewolucja: Komunizm i wyzwolenie nomenklatury. – *Puls*. 1993. No. 5-6. P. 9-16.

Katz R., Mair P. Changing Model of Party Organization and Party Democracy. The Emergence of the Cartel Party. – *Party Politics*. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 5-28.

Kennedy M.D. *Cultural Formations of Postcommunism. Emancipation, Transition, Nation, and War*. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press. 2002. 370 p.

Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe. – *Politics and Society*. 1992. Vol. 20. No. 1. P. 7-50.

Körösényi A. Revival of the Past or a New Beginning? The Nature of Postcommunist Politics. – *Political Quarterly*. 1991. No. 1. P. 1-23.

Linz J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America and Post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins. 1996. 504 p.

Meier K., Bohte J. *Politics and the Bureaucracy*. Belmont: Thomson/Wadsworth. 2007. 312 p.

Meyer G. Towards a Political Sociology of Postcommunism: the Political Culture of East Central Europe on the Way to Democracy. – *The Political Culture of Poland in Transition*. Ed. by A.W. Jabloński, G. Meyer. Wroclaw: Widawnictwo Universitetu Wroclawskiego. 1996. P. 17-38.

Moeller J. *Post-Communist Regime Change*. L., N.Y.: Routledge. 2009. 177 p.

Muller K. From Post-communism to Postmodernism? Explaining the Social Changes in Eastern Europe. – *Turns of history. Post-socialist Transformations through the Eyes of German Researchers. Volume 1: Post-Socialist Transformations: Theoretical Approaches*. Ed. by P. Schtykow, S. Schwanitz. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg: The Summer Garden. 2003. P. 130-172. (In Russ.)

Ost D. *The Defeat of Solidarity. Anger and Politics in Postcommunist Europe*. Ithaca, L.: Cornell University Press. 2005. 238 p.

Outhwaite W., Ray L. *Social Theory and Postcommunism*. Oxford: Blackwell Publishing. 2005. 256 p. https://doi.org/10.1002/9780470773345

Prozorov S. *The Ethics of Postcommunism. History and Social Praxis in Russia*. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2009. 266 p. https://doi.org/10.1057/9780230239555

Przeworski A. *Sustainable Democracy.* Cambridge: Cambridge University Press. 1995. 141 p. https://doi.org/10.1017/CBO9780511664205

Racz B., Kukorelli I. The "Second-Generation". Postcommunist Elections in Hungary in 1994. – *Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies*. 1995. Vol. 47. No. 2. March. P. 251-280.

Rychard A. Postkomunizm: Institucyonalny ład czy chaos? – *Współczesne społe-czeństwo polskie: dynamika zmian*. Pod red. J. Wasilewskiego. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe Scholar. 2006. S. 467-488.

Schöpflin G. Culture and Identity in Postcommunist Europe. – *Developments in East European Politics*. Ed. by S. White, J. Batt, P.G. Lewis. Houndmills, L.: The Macmillan Press Ltd. 1993. P. 16-28.

Schöpflin G. Liberal Pluralism and Post-Communism. – *Can Liberal Pluralism Be Exported. Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe*. Ed. by W. Kymlicka, M. Opalski. Oxford: Oxford University Press. 2001. P. 109-125.

Smecz (pseudonim of Tomasz Jastrun). Z ukosa. – *Kultura*. 1994. 6.06. P. 70-80.

Stojanovich S Postcommunism: the Contradictions between Democracy and Capitalism. – *Polis. Political Studies*. 1996. No. 1. P. 50-54. (In Russ.)

Szabo M. Die Semantik des Systemwechsels. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss*. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Mein: Peter Lang. 1996. S. 57-70.

Tarasov I.N *Politicheskie instituty i praktiki postkommunizma v Central'no-Vostochnoj Evrope*. [Political Institutions and Practices of Post-Communism in Centre-Eastern Europe]. Saratov: Saratov Social-Economic University. 2009. 288 p. (In Russ.)

Tarasov I.N. The Choice of the Form of Government as an Institutional Problem of Post-Communism: the Experience of the Countries of Central and Eastern Europe. – *Political Expertise: POLITEX*. 2010. T. 6. No. 1. P. 83-94. (In Russ.)

Tatur M. "Politik" im Transformations proze? Aspekte des politischen Diskurses in Polen 1989-1992. – *Öffentliche Konfliktdiskurse um Restitution von Gerechtigkeit, politische Verantwortung und nationale Identität. Institutionenbildung und symbolische Politik in Ostmitteleuropa. In memoriam Gábor Kiss*. Berliner Schriften zur Politik und Gesellschaft im Sozialismus und Kommunismus. Hrsg. von K. Mänicke-Gyöngyösi. Bd. 9: Frankfurt am Mein: Peter Lang. 1996. S. 39-56.

The Meaning of Liberalism: East and West. Ed. by Z. Suda, J. Musil. Budapest: CEU Press. 2000. 271 p.

Vanhuysse P. Introduction: Advances in the Study of Post-Communist States and Public Administrations. – *Sociologický časopis – Czech Sociological Review*. 2008. Vol. 44. No. 6. P. 1151-1154.

Zubek V. The Eclipse of Walesa's Political Career. – *Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies*. 1997. Vol. 49. 1. January. P. 107-124.